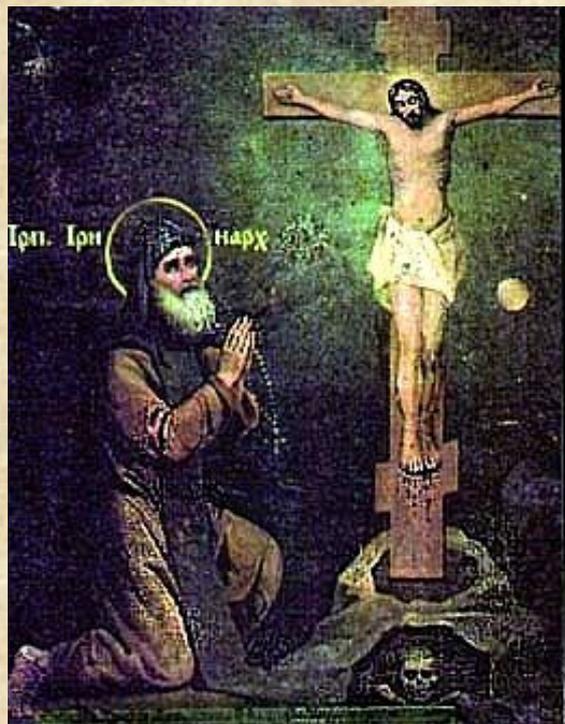

ПРЕПОДОБНЫЙ ИРИНАРХ, ЗЯТВОРНИК РОСТОВСКИЙ

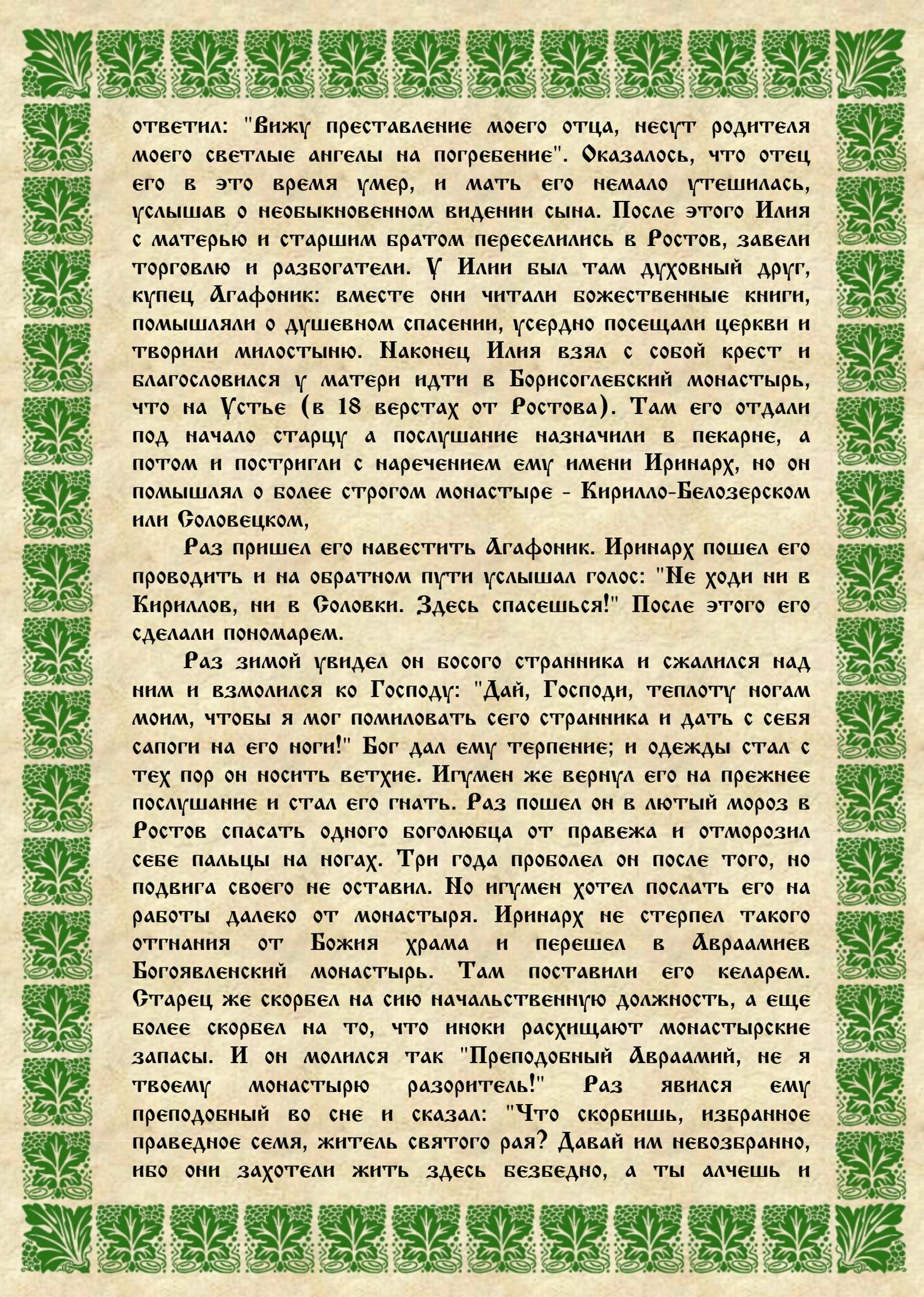
(1616)

Память его празднуется 13 янв. в день преставления, 23 мая вместе с Собором Ростово-Ярославских святых

Прп. Иринарх, в миру Илия, был сыном благочестивых крестьян - Акиндина и Ирины - из села Кондакова, что в Ярославской земле. Двадцати недель от рождения он стал ходить, а шести лет сказал матери: "Когда вырасту, так постригусь и стану монахом; буду носить на себе железа и трудиться ради Бога и буду всем людям учителем". Однажды у его родителей был приходский священник и за обедом рассказывал житие прп. Макария Колязинского. Вдруг Илия сказал: "И я буду таким же монахом!" Священник строго спросил: "Как ты, чадо, осмелился сказать такое слово?" Илия отвечал: "Кто тебя не боится, тот это и говорит".

Юношей Илия пошел на заработки за 300 верст от дому. Однажды при всех он горько заплакал и на расспросы

ответил: "Вижу преставление моего отца, несут родителя моего светлые ангелы на погребение". Оказалось, что отец его в это время умер, и мать его немало утешилась, услышав о необыкновенном видении сына. После этого Илия с матерью и старшим братом переселились в Ростов, завели торговлю и разбогатели. У Илии был там духовный друг, купец Агафоник: вместе они читали божественные книги, помышляли о душевном спасении, усердно посещали церкви и творили милостыню. Наконец Илия взял с собой крест и благословился у матери идти в Борисоглебский монастырь, что на Устье (в 18 верстах от Ростова). Там его отдали под начало старцу а послушание назначили в пекарне, а потом и постригли с наречением ему имени Иринарх, но он помышлял о более строгом монастыре - Кирилло-Белозерском или Головецком,

Раз пришел его навестить Агафоник. Иринарх пошел его проводить и на обратном пути услышал голос: "Не ходи ни в Кириллов, ни в Головки. Здесь спасешься!" После этого его сделали пономарем.

Раз зимой увидел он босого странника и сжалился над ним и взмолился ко Господу: "Дай, Господи, теплоту ногам моим, чтобы я мог помиловать сего странника и дать с себя сапоги на его ноги!" Бог дал ему терпение; и одежды стал с тех пор он носить ветхие. Игумен же вернул его на прежнее послушание и стал его гнать. Раз пошел он в лютый мороз в Ростов спасать одного боголюбца от правежа и отморозил себе пальцы на ногах. Три года проболел он после того, но подвига своего не оставил. Но игумен хотел послать его на работы далеко от монастыря. Иринарх не стерпел такого отгнания от Божия храма и перешел в Авраамиев Богоявленский монастырь. Там поставили его келарем. Старец же скорбел на сию начальственную должность, а еще более скорбел на то, что иноки расхищают монастырские запасы. И он молился так "Преподобный Авраамий, не я твоему монастырю разоритель!" Раз явился ему преподобный во сне и сказал: "Что скорбишь, избранное праведное семя, житель святого рая? Давай им невозбранно, ибо они захотели жить здесь безбедно, а ты алчешь и

наготуешь; и ты в вышнем Царствии поживешь пространно и насладишься небесной пищей, а они взалчут во веки..."

Однажды во время пения Херувимской прп. Иринарх заплакал и сказал. - "Мать моя преставилась!" Еще не окончилась литургия, когда пришел брат его Андрей с вестью о кончине матери. Преподобный взял благословение настоятеля и пошел с братом погребете ее. После этого он прожил три с половиной года в затворе в монастыре св. Лазаря, горько скорбя о своей первоначальной обители и непрестанно молясь святым страстотерпцам Борису и Глебу. Раз явились они ему во сне и сказали: "Идем, старец, за тобой, иди в наш монастырь!" В то время он уже носил вериги. По дороге он устал и заснул и во сне увидел, что змея хочет его ужалить, он же прогнал ее посохом. Стронитель о. Варлаам принял его ласково и не внимал наветам. Раз старец молился со слезами пред иконой Распятия Господня и спрашивал, как ему спастись. И был ему глас от иконы: "Иди в келью твою, будь затворником - и спасешься!" Тогда старец благословился у о. Варлаама на неисходный затвор, наложил на себя тяжелые цепи и приковал себя цепью к ступу.

В это время некто Алексей постригся с наречением ему имени Александр и стал учеником старца - по кончине его он и составил его житие. В то же время давний друг старца, Христа ради юродивый Иоанн (память его 3 июля) по прозванию Железный Колпак, велел ему сделать себе 100 крестов весом по четверть фунта каждый. "Невозможно мне сделать столько, - отвечал преподобный, - в нищете нахожусь". Но Иоанн возразил ему; "Это не мои слова, а от Господа Бога: "Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут" (Мф 24:35). Все сказанное свернется. Бог тебе поможет". И многое другое говорил Иоанн и закончил так: "Не дивись тому, что так будет с тобою. Устами человеческими невозможно выразить или исповедать всего. Бог даст тебе коня, и на том от Бога данном коне никто, кроме тебя, не сможет ездить и сесть на месте твоём, кроме тебя". Прощаясь со старцем, Иоанн пророчески поведал еще следующее: "Бог заповедал верным ученикам

Своим, от востока и до запада, наставлять людей и отводить их от беззаконного пьянства. За это пьянство Господь наведет на нашу землю иноплемеников, и эти иноплеменики подвигнутся твоему многому страданию! Меч их не повредит тебе, и они прославят тебя более верных. А я иду в Москву к царю просить себе землю: там у меня в Москве столько будет бесов, видимых и невидимых, что едва можно будет поставить хмелевые затычки. Но всех их изгонит Своею силою Пресвятая Троица".

После этого разные люди стали приносить преподобному разные железные и медные вещи - цепи, вериги, кресты, - и он сделал себе из них тяжести, которые он называл "трудодами", и стал в них подвизаться. Он приковал себя цепью длиною в 20 сажень, которую надевал на шею. На себе же имел 142 железных и медных креста. 7 тяжестей плечных, ножные пуги, на руках и груди 18 оковцев и на поясе связи в один пуд весом. Часто бил себя железной палкой, спал же всего два часа. От подвигов он часто болел, но всегда благодарил за это Бога. Он никогда не оставлял рукоделия своего - вязания клобучков и свиток для братии и одежды для нищих. При этом он непрестанно творил молитву Иисусову.

Бог даровал ему прозорливость. К нему приходило много людей издалека; он же учил их заповедям, обличал их тайные грехи, защищал слабых от сильных, многих привел к Богу - и за всех молился. Милостыню же, которую приносили ему, раздавал нищим. Недостойные же иноки клеветали на него, ибо суровое его житие было обличением для них, - и новый игумен изгнал его; и старец пробыл еще год и две недели в монастыре св. Лазаря. Но потом игумен раскаялся и вернул его. "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, - молился старец. - не лиши меня вечных Твоих благ, дай мне, грешному старцу, дотерпеть свое обещание!" О врагах же своих он молился так "Господи, я живу в темнице сей (так он называл свою келью) вопреки братии, они праведны и праведные труды Тебе приносят. Я же, смрадный, лишен добродетели".

Раз он увидел во сне разорение Москвы и всего русского царства и, проснувшись, стал плакать. Вдруг его осиял сверху свет и раздался голос: "Пойди к Москве и поведай, что все так будет". Он перекрестился. Голос повторился: "Все так будет". Он стал молиться. - "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго от искушения. Я раб Отца, Сына и Святого Духа и не желаю на свете сем ничего видеть!" Голос раздался опять: "Не слушайся и делай по сему гласу: все будет так роду сему непокорному!"

Тогда старец благословился у игумена и поехал в Москву к царю Василию Иоанновичу Шуйскому (1606-1610). По дороге он исцелил от лихорадки друга своего, переяславского диакона Онуфрия. Этот диакон терпел много гонений за то, что уничтожил почитание большого камня, ввергнув его в яму. Эти гонения и болезнь он переносил с благодарностью, но лечиться у знахарей не хотел, Царь принял старца в Благовещенском соборе и дивился его "трусам", а старец сказал ему: "Господь Бог открыл мне, грешному старцу: я видел Москву, плененную ляхами, и все Российское царствие. И вот, оставя многолетнее сидение в темнице, я сам пришел известить тебе сие. И ты стой за веру Христову с мужеством и храбростью!" Сказав это, старец пошел из церкви, а царь и ученик его Александр повели его под руки. После царя старец посетил царицу Марию Петровну и благословил ее Она же послала ему в дар полотенца. Но он не принял их и сказал: "Я приехал не ради даров, я приехал возвестить тебе правду". Старец пробыл в Москве 12 часов. Царь приказал отвезти его обратно в его монастырь, и старец опять затворился и стал молиться, чтобы Господь смилостивился над Москвой, как над древней Ниневией.

После этого на Русь напали польско-литовские полчища - у нас их звали Литвой, - разорили много городов, осквернили много святынь и убили многих людей. Они хотели, чтобы русские отреклись от царя Василия Иоанновича Шуйского и признали царем или польского короля Сигизмунда, или Тушинского вора - Лжедмитрия II. Раз вошел к старцу в келью польский воевода пан Микудинский с другими панами.

"В кого ты веруешь?" - спросил он. Старец ответил: "Я верую во Святыю Троицу - Отца, Сына и Святого Духа!" - "А земного царя кого имеешь?" Старец произнес громогласно: "Я имею российского царя Василия Иоанновича. Живу в России, российского царя и имею, а иного никого не имею!" Один из панов сказал: "Ты, старец, изменник, ни в нашего короля, ни в Дмитрия не веруешь!" Старец отвечал: "Вашего меча тленного я не боюсь и веры своей в российского царя не изменю; если ты меня за это посечешь, то потерплю сие с радостью; немного во мне крови для тебя, а у моего живого Бога есть такой меч, который посечет вас невидимо, без мяса и крови, а души ваши пошлет в мучку вечную!" И пан Микүлинский подивился великой вере старца.

Потом пришел из Новгорода князь Михаил Скопин-Шуйский, а против него - из-под Троице-Сергиевой лавры пан Гапега, и московская сила повбила Литву. Гапега отступил и стал против Борисоглебского монастыря. Среди братии поднялась великая скорбь, а старец говорил: "Не убоимся посечения или пожжения от иноверных. Мы явимся новыми мучениками, получим венец на Небе от Христа Бога нашего".

Раз пришел в монастырь пан Кирбитский, подивился старцевым "трудам" и говорит Гапеге: "В монастыре у Бориса и Глеба я нашел трех старцев скованных". Гапега пошел в келью старца и сказал: "Благослови, отче! Как ты терпишь такую великую мучку?" Старец ответил: "Ради Бога сию темницу и мучку терплю в келье сей!" Паны сказали Гапеге: "Сей старец за нашего короля и Дмитрия Бога не молит, а молит за Шуйского, царя!" Старец возразил: "Я в России рожден и крещен, за русского царя и Бога молю!" Гапега сказал: "Правда в батьке велика: в которой земле жить, тому царю и служить!" Старец сказал: "Возвратись, господин, в свою землю, полно тебе в России воевать! Если же не уйдешь из России или опять придешь в Россию и не послушаешь Божия слова, то будешь в России увит!" Гапега умилился и сказал: "Чем мне тебя одарить? Я ни здесь, ни в иных землях такого монаха крепкого и безвоязненного не

видывал!" Он прислал старцу дары и запретил своим войскам вредить монастырю, а сам пошел в Переяславль.

В это время князь Михаил Скопин-Шуйский прислал к старцу за благословением. Старец послал ему благословение, крест и просфору и велел сказать: "Дерзай, и Бог поможет тебе", и под Александровской слободой князь побил Литву. Но к ней подошли подкрепления, и князь опять послал гонца к старцу; и старец опять послал ему благословение и просфору и велел сказать: "Дерзай, князь Михаил, и не бойся, Бог тебе поможет". И князь опять побил Литву. Один из его воевод прошел в лавру, а за ним и сам князь, и под Димитровим Сапега был разбит и бежал в Волоколамск, а Түшинский вор - в Калугу, где и был убит. Князь поехал в Москву, а старец послал к нему за своим крестом, и князь после этого скончался.

В это время новый игумен Симеон поднял против старца гонение и велел ему ходить в церковь, а он и по келье мог пройти только с трудом. Тогда он велел взять у него запасы. Старец послал сказать, что забыли взять кадушку с медом, и игумен взял и последнее. В тот же вечер явился старцу юноша в белом и, стоя около него и смотря на него, говорил о немилостивом поступке игумена, а потом стал невидим. Утром игумен велел выволочь старца силой из кельи; ему сломали руку и бросили, беспомощного, около церкви. Там он пролежал девять часов без движения, молясь за врагов своих.

Учеников его, Александра и Корнилия, удалили от него, но ночью Александр Таино пришел в келью и молился так: "Господи Иисусе Христе. Сыне Божий, долго ли нам в скорби сей быть с учителем своим и терпеть от людей сих зверообразных и пьяниц? Но да будет воля Твоя!" И был ему глас от крестов: "Иди к игумену и скажи: "Зачем противиться судьбам Божиим, Александр пошел к игумену во время утрени, и игумен благословил старца и обоих учеников, и они возвратились в свою келью. И был ему свыше голос "Дерзай, страдалец Мой, Я с тобой всегда, Я ждал твоего подвига, терпению твоему дивились ангелы Теперь уже не будет на тебя гонений, но ждет тебя уготованное тебе

место в Царствии Небесном!" А старец, в страхе и трепете, со слезами творил молитву и осенял себя крестным знамением.

В это время услышали враги о кончине князя Михаила Скопин-Шуйского ободрились и подступили к Москве: а москвичи свели с престола царя Василия Иоанновича и пустили их в город. Литва опять заняла Борисоглебский монастырь и пробыла в нем неделе десять. Пришел один пан к старцу и говорит: "Благослови, батько! Сапега убит по твоему слову под Москвой!" Старец сказал: "Подйте вы в свою землю - и будете живы, если не пойдете, то будете убиты!" Тогда сын воеводы Каменского благословился у него идти в свою землю. За ним пришел и отец его поклонился старцу в землю и тоже благословился. А старец благословил и сказал ему "Только не трогай монастыря, братий и города Ростова!" Каменский ушел в свою землю, а монастыря и города не тронул.

В это время в Нижнем Новгороде стало собираться ополчение, а вождем избрали князя Дмитрия Михайловича Пожарского, а в помощь ему посадского человека Косьму Минина и стали собирать людей и деньги на войну. Ополчение стало в Ярославле, и стали собираться к нему из других городов русские люди, а под Москвой стоял с войском своим князь Трубецкой, и стал он просить Пожарского скорее идти к нему на помощь. Но среди русских людей не было единодушия, и еще прежде казаки убили воеводу Прокопия Петровича Ляпунова. Тогда старец Ирнарх, за всем следивший и все понимавший, послал князю Пожарскому благословение и просфору и велел сказать "Увидите славу Божию". И князь Пожарский и Косьма Минин поехали к старцу, и он дал им в помощь честной крест. От Троицы-Сергия Пожарский послал Трубецкому помощь, и Заруцкий бежал, а ополчение пошло дальше. И с Божией помощью Пожарский взял Китай-город, а потом Московский Кремль где засела Литва.

После этого избрали на царство юного Романова и венчали его царским венцом. Тогда Русь грабили воровские шайки, и царь послал против них воеводу, князя Лыкова.

Князь Лыков послал к старцу за благословением и его молитвами очистил Русь от воровских шаек. Старец же продолжал подвизаться, принимать богомольцев, помогать бедным. Бог прославил его чудесами. При жизни его записал их ученик его Александр 9, а по кончине - 13. На болящих возлагал его цепи или честной крест, и они исцелялись.

Перед кончиной старец сказал ученикам своим Александру и Корнилию: "Братия и сопостники мои, вот ныне отхожу от жизни моей ко Господу, Богу моему Иисусу Христу. Помолитесь за меня Богу и Пресвятой Богородице, дабы я избежал сетей вражних и воздушных мытарств, ибо я грешен. Вы же после смерти моей пребудьте в посте и молитве, в бдении и слезах, а также в любви между собой, без ропота, в послушании и повиновении, ибо вы знаете заповедь Христову о блаженствах". Ученики просили молитв его. Старец же продолжал: "Я отхожу от вас телом, духом же буду неразлучен. Если же кто будет притеснять обитель мою, свыше данную от Бога, искупленную и выпрошенную у игумена и братии, то пусть их судит Бог и Матерь Божия!" Простясь со всей братией, старец стал на молитву, молился долго и тихо отошел ко Господу.

Погребли его в пещере, им же самим уготовленной. Прожил он 68 лет и 4 месяца, из них жития его иноческого 38 лет и 4 месяца. "Труды" его хранились при раке его в монастыре, в постройке, где была келья, а часть их - в церкви родного его села Кондакова. Во время молебнов больные надевали их на себя.

[Русские святые: Тринадцатое января (26.01), С. 15 и далее. Жития святых, С. 15620 (ср. Русские святые, С. 72 Словарь)]